
ШЕЛЧУЩИЕ
НИКЕЛЕВЫЕ ИДОЛЫ

Вот он я — несусь галопом вниз по ступенькам. Шесть футов три дюйма обаяния и пылкости, любвеобильный голубоглазый бывший морпех — о таком знакомстве можно только мечтать! Насвистываю. Правда, для благозвучия не помешал бы еще гулкий голос — а мой, увы, надтреснутый.

Однако что-то было не так. Пораскинем умом. Вчера я рано лег спать — по собственной воле. Не выпив перед этим ни глоточка. И тем не менее нынче утром вполне был готов пуститься в пляс. Я чувствовал себя так хорошо, что забыл быть недоверчивым.

Но мне не дано надолго забыть, что именно меня, малютку Гаррета, боги избрали мальчиком для священного битья и мишенью для своих идиотских развлечений.

Я застыл, не завершив традиционного утреннего правого поворота на кухню.

В коридоре, ведущем от входной двери к кухне, торчал какой-то пацан. Этот оборванец, с перепачканными щеками и рыжими спутанными лохмами, явно стриг себя сам. Ну или его цирюльник был подслеповат и орудовал тупым столовым ножом. Росту в мальчишке было чуть больше пяти футов, а лет ему я дал бы двенадцать-тринадцать; впрочем, для тринадцати чахловат. Одет он был в костюм от нетрезвого старьевщика. Я подозревал, что аура вокруг него довольно пикантна, но находился недостаточно близко, чтобы ее оценить.

Он что, глухой? Его не спугнул грохот, который я поднял, спускаясь по лестнице. Ах, ну конечно — он застрял носом в комнате Покойника! Это зрелище на первых порах может ошеломить. Мой напарник представляет собой четверть тонны мертвой серой плоти, отдаленно напоминающей незаконного отпрыска отца-человека и матери-слонихи. Он словно явился из кошмара пьяного художника, обкуренного опиумом.

— Так и хочется забраться к нему на колени и свернуться клубочком! — изрек я.

Паренек пискнул и попятился к выходу, согнувшись так, будто нащупывал себе путь оттопыренной задницей.

— И кто же ты такой будешь? — спросил я, необъяснимо заинтересованный фактом обнаружения незнакомца, вставшего на якорь в моем коридоре.

Скрипнула кухонная дверь.

— Мистер Гаррет! Вы сегодня рано встали...

— Да уж. Рассвет еще не брезжит. Не мог бы ты мне пояснить, в чем дело?

Из кухни показалась известная личность — Дин, мой повар и управляющий. По возрасту он годится мне в деды, но ведет себя скорее как мамаша. Его появление объяснило присутствие мальчишки.

Дин постоянно подбирает всяких бездомных скитальцев, будь они котятами или детьми.

В руках его был какой-то предмет, обернутый заляпанной газетой.

— Что вы имеете в виду?

— Ты что-то задумал. Иначе не стал бы называть меня «мистер Гаррет».

Морщины Дина собрались в кислую гримасу.

— Солнце всегда заходит рано, когда боишься саблезубых тигров.

Это означает: ты видишь именно то, чего опасешься. Моя мать в свое время тоже частенько так говаривала.

— Ну, в этом доме тигры не рыщут.

Заинтригованный, я перевел взгляд на мальчишку. Его физиономия была усыпана миллионом веснушек, а в глазах сверкали вызов, любопытство и страх.

— Это вообще кто? И каким образом вышло, что он ошивается у меня в доме?

Я продолжал изучать пацана. В нем было что-то трогательное. Да что со мной не так?..

Можно было бы ожидать взрыва психического веселья со стороны моего покойного коллеги, но я не ощутил ничего — Мешок с костями крепко спал. Во всем есть свои хорошие и плохие стороны.

Я обратил сердитый взгляд на Дина. По-настоящему свирепый, не просто «для пользы дела».

— Дин, я уже не свищу. Ответь мне.

Сверток в руках этого старого ребенка был заляпан жиром. Опять мне предстоит подкармливать бездомных, пусть и через посредника.

— Э-э... Это Пенни Мрак. Он посыльный.

Мрак? Ну и имечко!

— И что, он принес мне послание?

Я одарил сорванца самым хмурым взглядом. Он не впечатлился. Похоже, его ничто особенно не волновало до тех пор, пока он находился вне пределов взмаха руки. Я не увидел в нем ничего, что предполагало бы аристократическое происхождение, хотя Мрак — имя как раз такого рода, какие в чести у заклинателей и магов с Холма, наших не отличающихся особой скромностью тайных повелителей.

— Да, принес. Оно на кухне, — торопливо отозвался Дин, протискиваясь мимо меня к пацану. — Через минуту я вам его покажу. Пойдем, Пенни. Мистер Гаррет выпустит тебя. Не так ли, мистер Гаррет?

— Ну конечно! Я же душа-парень.

Я прижался к стене, снова пропуская Дина, теперь уже в другую сторону.

Паренек, схватив гостинец, ретировался. Странно. Моя внутренняя реакция хотя и не зашкаливала до предела, но имела силу, какую я обычно приберегаю для красоток, заставляющих священников жалеть о выборе карьеры.

Я открыл дверь. Оборванец выскользнул наружу и поспешил прочь, сгорбившись, словно каждую минуту ожидал удара. Он не замедлил шага, пока не достиг пересечения Макунадо-стрит с дорогой Чародея.

Поедая свою добычу, он оглянулся через плечо, увидел, что я на него смотрю, вздрогнул и шмыгнул за угол.

Б-з-з! Б-з-з!

Послышался звонкий, музыкальный смех. Я почувствовал, что меня тянут за волосы.

— Гаррет завел новую подружку! — пропищал тоненький голосок.

— Привет, Мариэнна.

Мариэнна была пикси-подростком женского пола. Целое вздорное гнездо этого маленького народца жило в щелях наружных стен моего дома. Девчонка любила поддразнивать меня.

— Мне она показалась весьма молоденькой, — заметил второй голос, и мои волосы претерпели еще один рывок. — Она слишком нежна для такого мясника, у которого растительность уже редет на затылке!

— Холлибелл, кошмарная ты мошка! Я так и знал, что ты не оставишь Мариэнну без присмотра.

Холлибелл и Мариэнна — подруги не разлей вода. Впрочем, еще до того, как опадут листья, эти двое обнаружат, что не все парни воняют, неряшливы и отличаются тупоумием. Вскоре обычный вздох обретет для них такое значение, что будет сотрясать всю их крошечную вселенную.

— Мистер Гаррет!

Это Дин. Он всегда встречается, как только я собираюсь поиграть с малявками.

Дин передал мне пакет с посланием.

— Ступайте в кабинет и выясните, что это такое. Я принесу вам чай и бисквиты, а потом займусь завтраком. Как насчет маленьких сосисок и яиц всмятку?

— Отличное меню! — Я внимательно посмотрел на старика. — Так что же ты затеял?

— Затеял, сэр? Что вы хотите этим сказать?

— То, что сказал. У тебя что-то на уме. Думаю, это связано с тем пареньком, который, как говорят пикси, на самом деле девочка. — Таящийся внутри меня жизнерадостный карентийский мальчишка чуял, что так оно и есть. — Каждый раз, когда ты становишься вежливым и начинаешь вести себя как настоящий управляющий, я знаю, что у тебя на уме какая-то гадость. И не надо, пожалуйста, принимать вид оскорбленного достоинства.

Старикану следовало бы отточить мастерство. Увы, он настолько же предсказуем, как и я.

Я угнездился за письменным столом в отделанной по первому разряду дворницкой, которую использую как рабочий кабинет. Повернувшись на стуле, я послал воздушный поцелуй Элеоноре — женщине на картине за моей спиной. Охваченная страхом, она убегает в бурную, ветреную ночь из мрачного особняка, в котором светится только одно окно. Впрочем, в настоящий момент Элеонора была в неплохом расположении духа и подмигнула мне.

Я разорвал конверт с посланием. Оттуда выпала пачка бумаг.

Бумаги были от Харвестера Темиска, прозванного Жнецом. Это один из тех адвокатов, которые чувствуют себя как дома во всяких юридических уловках, посматривая при этом на циферблат с неизменно ошалелым выражением лица.

У Жнеца Темиска имелся только один клиент — Чодо Контагью, бывший повелитель многочисленных преступных империй

Танфера. Царь царей подпольного мира. Верховный жулик. В настоящее время Чодо клюет носом в инвалидном кресле, пребывая в коматозном состоянии, в то время как семейным бизнесом управляет его прекрасная и помешанная на преступлениях дочка. Впрочем, Белинда делает вид, что получает инструкции непосредственно из императорских уст.

Дин принес мне чай с апельсиновыми корочками и сахарное печенье.

— Сосиски уже на огне. А вместо яиц будут печеные яблоки. Синдж хочет печеных яблок.

Дин подал свой фирменный чай и сласти, а это также служило доказательством, что он задумал недоброе.

— Она бы питалась исключительно печеными яблоками, если бы могла.

Пулар Синдж украдкой пробралась ко мне в подручные и метила на место младшего партнера. Она была хороша и как личность, и как компаньон. Если бы не она, я бы давно уже превратился в мерзкого старого холостяка.

Дин поспешил прочь. Еще одно доказательство: он не хотел отвечать на вопросы. Я принялся за чтение.

Харвестер Темиск напоминал мне, что я обещал посетить его, после того как распутая дело, над которым работал во время нашей последней встречи. Я так и не выполнил обещания.

— Дин!

— Я готовлю так быстро, как могу.

— Мне никак не найти ту бумажку, где я записал, когда Чодо собирается отмечать день рождения. Я не говорил тебе, когда будут праздновать?

— Сегодня вечером. В «Пальмах». Мисс Контагью заказала весь клуб целиком. Как вы могли забыть?

— Наверное, мне не хотелось об этом помнить.

В общении с Контагью было мало привлекательного. Ну конечно, Белинда... когда она бывала не слишком психованной...

Белинда Контагью — образец прекрасной дамы, не знающей пощады. С ее приходом мрачный, безжалостный мир организованной преступности очень быстро стал еще более кошмарным. Лишь несколькими лицам известно, что именно она является настоящим мозгом Организации. Тот факт, что ее отец находится в коме, держат под большим секретом; об этом знает, может быть, человек пять. И один из них — сам Чодо. Меня беспокоило то, что я входил в чис-

ло остальных четверых. Для меня не составляло труда оценить логичность сокращения четверки до более контролируемой тройки. Или даже двойки.

Если низшие боссы узнают, что получают указания от женщины, дело может скатиться к гражданской войне. Впрочем, Белинда за это время серьезно поработала над реструктурированием Организации, продвигая тех людей, которых сочла более близкими себе по духу.

Я не хотел идти на праздник к Чодо. И без того уже слишком многие связывали мое имя с Контагью. Если я там покажусь, это только еще сильнее убедит тайную полицию, что я более значительная фигура, чем на самом деле.

Кроме обвиняющей записки, в конверте содержалось несколько документов, подписанных Чодо, — очевидно, еще до того инцидента, который привел его в коматозное состояние. Может быть, Чодо предвидел, что нечто подобное может случиться.

Харвестер Темиск придерживался того мнения, что его наниматель, несомненно, составил на будущее хитроумный план. Именно для этого он наделил Жнеца властью своего поверенного и подобрал ему болвана по имени Гаррет, который был бы у него на побегушках.

На протяжении всей своей темной карьеры Чодо всегда угадывал правильно. Он всегда находился в нужном месте в нужное время. Исключением — возможно — был тот единственный раз, когда его дочери представился случай оживить кошмар: человека, которого она ненавидела больше всего на свете, держали в таком положении, чтобы она могла постоянно терзать его.

Семью Контагью трудно назвать образцовой, исполненной тепла и любви. Они никогда такими не были. Чодо убил мать Белинды, узнав, что та его обманывает. Белинда до сих пор работает над тем, чтобы простить его. Пока что у нее не очень получается.

Появился Дин с моим завтраком.

Темиск не писал о том, чего он от меня хочет, — в основном его заботило, сдержу ли я слово. Я ел и размышлял и не мог изобрести ни единого работающего способа ускользнуть от взятого на себя обязательства.

Я задолжал Чодо. Неоднократно. Он помогал мне часто и без просьб с моей стороны. Он знал меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что после этого я буду плестись по жизни, отягощенный созданным дисбалансом. Точно так же, как он умел находиться

в нужном месте в нужное время, Чодо всегда определял, где у людей нужные рычаги. За исключением Белинды. Его безумная дочь была его слепым пятном. Если бы не это, он не сидел бы сейчас в инвалидном кресле, пуская слюни себе на грудь.

Дин принес мне еще чая.

— У нас наклеывается новое дело?

Да, сомнений не было: он что-то задумал.

— Нет. Просто надо заплатить по одному старому счету.

Он хмыкнул, без особого воодушевления.

Позже зашла Пулар Синдж. Из-за своего хвоста она выглядела в кабинете не очень уместно. В ее руках дымилась большая миска с печеными яблоками.

— Хочешь, могу поделиться.

Она питала неодолимую приверженность к печеным яблокам — пище, обычно не вызывающей ассоциаций с крысиным народцем.

— Нет, спасибо.

Танфер кишит крысами всех мастей, включая два вида обычных вредителей и несколько разновидностей крысиного народца. Эти создания разумны. Размерами они меньше людей. Их предки зародились в лабораториях безумных магов в начале прошлого столетия. По стандартам крысюков Синдж — настоящий гений. Она умнее всех представителей своего племени, которых я когда-либо встречал, а также очень отважна, и лучше ее никто не идет по следу.

— Что будешь делать, когда покончишь с урожаем яблок этого года?

Она оценивающе посмотрела на меня, прокручивая в голове возможные варианты. У крысиного народца отсутствует врожденное чувство юмора. У Синдж оно есть — появилось в процессе обучения, поэтому иногда может принимать необычные обороты.

Пулар Синдж знает, что, когда я задаю вопрос без очевидной связи с повседневной реальностью, обычно это означает поддразнивание. Порой ей даже удается выдать достойный ответ.

Сейчас был не тот случай.

— Хочешь сказать, у нас очередное дело? — спросила она, с трудом пробиваясь сквозь шипящие.

Древние кудесники не особенно постарались облегчить крысюкам задачу ведения беседы.

— Ничего такого, что обещало бы мне заработок.

Я рассказал ей о Чодо Контагью и о своем прошлом. Синдж взяла хвост в руки, обернула его вокруг себя и присела на корточки. У нас в доме есть только один стул, удовлетворяющий ее телосложению, и он находится в комнате Покойника. Повседневной одеждой Пулар служит тускло-коричневое платье из крепкой материи, скроенное согласно ее необычным пропорциям. У этого народца короткие задние ноги — крысюки ходят на них, как люди, — и длинное туловище. Не говоря уже о забавных руках. И волочащихся хвостах.

— То есть ты винишь себя в том, что случилось с этим человеком?

Умный грызун.

— Да, хотя это и было неизбежно, — ответил я и понял, что пора менять тему. — Есть какие-нибудь идеи, что мог задумать Дин?

Синдж по-прежнему не может привыкнуть к тому, как мысли людей мечутся зигзагом туда и обратно. Ее гениальность — явление относительное. Для крысы она феномен, но будь человеком, могла бы претендовать лишь на звание тугодума среднего уровня. Впрочем, это в ней исчезает, по мере того как она начинает понемногу усваивать закономерности явлений и природу вещей.

— Я не заметила ничего необычного. Разве что корзину котят под кухонной плитой.

Она наморщила нос, а ее усы встали торчком. Ни одна кошка размерами меньше саблезубого тигра не причинила бы ей особого беспокойства, по инстинкты предков никуда не делись.

— Так я и знал! Значит, котята, да? Этого он уже давненько не пробовал!

— Не сердись на Дина. У него мягкое сердце.

— Мозги тоже. Он ведь делает это за мой счет!

— Ты можешь себе это позволить.

— Мог бы, если бы не тратил деньги зря, платя жалованье ничемному управляющему!

— Только не ругай его.

Это испортило бы половину удовольствия от того, чтобы иметь Дина при себе.

— Я не буду его ругать. Я просто выдам ему бадью с водой. Или, еще лучше, мешок с кирпичом внутри.

— Ты ужасный человек. Однако, если хочешь пойти на день рождения, тебе предстоит еще многое сделать, — заметила она.

Верно. Не говоря уже о непростой задаче привести себя в порядок и одеться как следует, мне было необходимо повидаться со Жнецом — Харвестером Темиском.

— О! У меня отличная идея! Я возьму этих котят с собой на праздник и раздам их там в качестве подарков!

— Ты действительно ужасный человек! Хотя бы посмотри на них, прежде чем решать их судьбу.

— Симпатичными мордочками меня не проймешь!

— Если речь идет не о девушках.

— Да, здесь ты меня поймала.

— Пойди взгляни на котят, пока Дин не нашел лучшего места, чтобы их спрятать.

Она поднялась с корточек и взяла свою миску и мой поднос. Мы что, становимся парочкой обывателей?

— Как можно спрятать корзину котят? Они же будут повсюду!

— Эти котята очень воспитанные.

Звучало как парадокс.

— Ладно, только навещу старый Мешок с костями — и сейчас же приду.

В комнате Покойника едва теплилась единственная свечка. Как обычно. Не для освещения — она испускала дым, который большинство насекомых находило отпугивающим.

Мешок с костями мертв уже долгое время. Но дело в том, что логхиры — вид, к которому он принадлежит, — после смерти не торопятся покидать свое тело. Когда бодрствуют, они прекрасно сами справляются с паразитами. Однако мой партнер имеет склонность к лени, он чемпион по части откладывания на завтра. Понемногу он становится все более потрепанным.

Его свечи неплохо действуют также и на людей. Пахнут они не намного ароматнее, чем северный конец идущего на юг хорька. Обычно я стараюсь держать дверь Покойника закрытой, но ко мне постоянно забегает разносортная ребятня, а они никогда не оставляют ничего в том виде, в каком это нашли.

Я вошел в кухню со словами:

— Его Милость действительно почивает. Я перебрал все трюки, какие у меня есть в запасе, — ничего не действует.

Дин выглядел озабоченным, а Синдж словно замкнулась в себе.

— Впрочем, ничего страшного. Просто он решил вздремнуть. Мы всегда как-то ухитрились пережить его мертвые сезоны.

Кажется, Дин не хотел, чтобы ему об этом напоминали. Я никогда и ничего не делаю так, как он хочет.

— Итак, Дин, — продолжил я, — говорят, в мою кухню просочилось племя бродячих котят?

— Это не обычные котята, мистер Гаррет. Они принадлежат древнему пророчеству.

— Ну, современное пророчество гласит, что им предстоит отправиться в путешествие вниз по реке, в мешке, с парой битых кирпичей в качестве компаньонов по вояжу... Что ты там бормочешь?

— Пенни не просто какая-нибудь уличная попрошайка. Она жрица.

Я налил себе чая, разглядывая корзину с котятками. С виду вполне обычная мелюзга, серые с полосками. Но в них действительно было что-то странное.

— Жрица. Превосходно.

Для Танфера в этом нет ничего удивительного, это самый захламленный богами город, какие только когда-либо существовали на свете.

— Она последняя из жриц А-Лат, бежала сюда из Йимбера. Ее мать убили фанатики, принадлежащие к культуре А-Лафа. И вот теперь они появились в Танфере — ищут котят.

А должно быть, дело просто в том, что кто-то подбил кого-то вложить крупные средства в заболоченные территории за рекой. Подобные аферы возникают у нас ежедневно. Люди мгновенно тупеют до слепоты, стоит только сказать им, что в чем-то замешан бог.

Даже у Синдж был скептический вид.

— Это просто котята, Дин, — произнесла она холодно.

— Йимбер, говоришь?

Я имел лишь самое отдаленное представление об этом небольшом городке. Он располагался от нас в нескольких днях езды вверх по реке. Там бывают проблемы из-за громовых ящеров. Считается, что это город увеселений, которым правит весьма распушенная богиня любви, мира и всего прочего. Йимбер поставляет в Танфер зерно, фрукты, овец, крупный рогатый скот и древесину. А в последнее время также шкуры громовых ящеров. До сих пор никто не слышал, чтобы он экспортировал религиозных беженцев — или фанатиков, если уж на то пошло.

Одним из основных продуктов Танфера, в свою очередь, являются низкого рода мошенники. Вот только я не мог в тот момент сообразить, как именно девчонка могла нагреть Дина с помощью корзинки котят.

Впрочем, религиозный оборот дела наводил на размышления.

— Внимательно слушаю, — произнес я. — Ты еще не рассказал, каким образом со всем этим связаны котята.

— Они — Удача А-Лат.

Я пытался вытянуть из него что-нибудь еще, но он замкнулся. Возможно, просто сам больше ничего не знал.

— Похоже, придется привлечь к этому делу старшего брата...

Весь фасад дома сотрясся от громового удара. Я зарычал, словно голодный злобный волк. Меня уже достали все эти люди, норозящие высадить мою дверь.

Содержание

Шепчущие никелевые идолы <i>Перевод В. Иванова</i>	5
Жестокие цинковые мелодии <i>Перевод Н. Кудряшева</i>	361